

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Антроподицея: анархизм вещей

Мэтт Бернико

Мэтт Бернико
Антроподицея: анархизм вещей
13.05.2020

Скопировано 05.01.2025 с <https://vk.com/@-194022101-matt-bernico-anthropodicy-an-anarchism-of-things>

ru.anarchistlibraries.net

13.05.2020

Оглавление

Спекулятивная антроподицея	7
Экология и политика	15
Собственность	18
Анархизм вещей	21

для всех вещей. Анархизм вещей — это прямая демократия, которая выходит за рамки благих намерений человеческого актора. Теперь мы присоединяемся к аффинным группам ледников, организуемся с молекулами воздуха и протестуем против тех цифровых устройств, которые держат нас в долгах.

Краткое содержание

Основополагающая работа Бруно Латура «Нового Времени не было» призывает нас рассмотреть то, что он называет «парламентом вещей». Это понятие «парламента вещей» предоставляет новую возможность для изучения философии и анархизма. Это начало, но не хватает определенной смелости и чувства приключения. Никогда не будучи в Новом Времени, мы оказываемся не посреди парламента вещей, а посреди анархии вещей: радикальной плоскостности объектов, в которой мы должны переосмыслить собственность, политику и экологию. Кроме того, «Объектно-ориентированная философия» Грэма Хармана демонстрирует и развивает работу Латура в новый тип онтологического анархизма — не людей, а вещей. Этот проект стремится соединить метафизику Латура и Хармана с анархизмом.

Много писали оправданий Бога, теодицей. Но наступает пора писать оправдание человека — антроподицею.

— Николай Бердяев¹

Николай Бердяев, редко читаемый русский философ девятнадцатого века, предлагает новый онтологический проект в своей книге «Смысл творчества»². Задачей Бердяева было защитить онтологию человечества с помощью методологии, которую он, заимствуя у теологов, назвал антроподицеей. Проект Бердяева, хотя и заставляет задуматься, по ряду причин проваливается. Бердяев вдохновляет нас задавать правильный вопрос, вопрос о центральности людей, но ему не хватает философии, способной

¹ Nikolai Berdyaev. (2009) The Meaning of the Creative Act (Reprint Edition). San Rafael: Semantron Press. p. 19.

² Ibid.

полезным образом ответить на вопрос об антропоцентризме. Целью этого эссе является реабилитация вопроса Бердяева к более интересному и авантюрному плато: анархистской политике, опирающейся на философию объектов. Вопрос Бердяева намекает на импульс в анархизме, а именно неприятие и отрицание всей власти. Современные экологические события и катастрофы демонстрируют раздраженные отношения, которые человечество разделяет с остальным миром, и нашу антропоцентрическую метафизику и политику необходимо пересмотреть. Нам нужна анархистская политика, которая воображает, что возможен другой мир, но больший, чем просто человеческий мир: нам нужен анархизм вещей.

ных рабочих, угнетенных народов и стонов экологии. Отдельные акторы-люди могут голосовать, проводить демонстрации и так далее, но прямой демократический вклад со стороны нечеловеческих акторов также может учитываться с помощью технического посредничества.

Измерение таяния ледников, антропогенного диоксида углерода и хлорфторуглеродов в воздухе и популяций видов животных — демократические толчки в том или ином направлении. Привилегирование только человеческого голоса всегда было основой современной политики и экономики, но объединение наших будущих политических усилий с нечеловеческими акторами включает другой вектор в анархистскую и демократическую политику. Будущие политические проекты опираются на установление лучших и более активных связей между акторами, не на представительный демократический институт, а на прямую демократию с помощью технических средств.

Анархизм вещей выполняет отказ от иерархии, необходимый для анархистской политики, и на этом новом плато анархизма иерархический статус человеческого актора может быть отменён или децентрирован. Мир, который предназначен только для нас, больше не является жизнеспособной политической отправной точкой — продолжать эту линию мышления — значит пренебрегать реальностью оживлённого мира объектов или того, что мы ошибочно называем природой.

Как модернистские, так и постмодернистские движения в анархизме остаются важными, но тот факт, что Нового Времени не было, побуждает нас двигаться в другом направлении. Больше не зацикливаясь на полюсах модернистского и постмодернистского, мы прокладываем новый путь от центральности человеческого существа. На этой стороне антроподицеи мы начинаем видеть, что действительно возможен другой мир, не только для нас, но и

Материализм — это этатистская метафизика: это тотализирующее мировоззрение, которое дает людям особую привилегию над другими акторами, поскольку люди «обнаруживают» и разграничивают вещи, как если бы они уже не существовали и не имели автономной реальности вне нашего собственного наблюдения. Для материалистов объекты инкрустированы границами и рамками; государство состояние обретает форму через материальный анализ пространства. Геодезисты, спутники GPS и картографы подразумевают метафизические значения по умолчанию, которые материализм привносит в технауку. Сведение всех к своим экономическим и научным реалиям не избавляет мир от собственности; оно просто объясняет его с точки зрения альтернативной метафизики и дает альтернативные схемы распределения или владения. В конце концов, социализм — это просто схема, где собственность на средства производства переходит в другие руки. Хотя даже анархизм часто вытекает из материалистического анализа, он всегда является анархизмом человеческих акторов. Это, пожалуй, хорошее начало, пока мы слабо занимаем место людей в материалистическом дискурсе. Однако нам нужно выйти за рамки материалистического анализа истории и экономики.

Слияние или создание сплава материалистического экономического анализа и спекулятивного реализма объектов — это шаг в правильном направлении для нового плато анархизма. Человеческий анализ экономики может слабо придерживаться материализма, пока человеческие акторы пытаются признать важность вещей как акторов. Идея состоит в том, чтобы поддерживать реальное существование объектов наряду с материальным экономическим анализом, важным для антикапиталистической борьбы. Капитализм должен чувствовать полный демократический толчок эксплуатируемых отчужден-

Спекулятивная антроподицея

Поскольку теодицея — оправдание Бога людям, из этого следует, что антроподицея — оправдание человечества людям. В то время как теодицея заинтересована существованием зла в мире, созданном всеблагим Богом, антроподицею скорее заботит не зло людей, а их метафизика. Введение метафизики в дискуссии об анархизме непременно оставит неприятный привкус в устах некоторых — и это справедливо. Антроподицея, которую выполняет Бердяев, порождает метафизические проблемы, которые всегда были чумой для анархистов, а именно рост метафизической иерархии.

Метафизическая иерархия всегда проблематична для анархистов, потому что она способствует угнетению и центральности власти в реально существующих материальных условиях мира. По большому счету, отказ от метафизики в пользу материализма — это хороший шаг, но, как я буду утверждать позже, любой материализм нуждается в разъяснениях и поправках. К сожалению, Бердяев, мыслитель, у которого я ворую понятие антроподицеи, самодоволен и даже усиливает метафизическую иерархию человеческого существа. У человека есть «исключительное самосознание», и что «антропологический путь — единственный путь познания вселенной»¹. Поскольку параметры проекта Бердяева стремятся поставить под со-

¹ Ibid., 57-8.

мнение онтологию людей, чрезвычайно разочарует то, что он, несмотря на это, немедленно принимает центральную привилегию человека на первых же страницах.

Бердяев немедленно отказывается от всего философского реализма практически без вопросов и аргументов. Вся вселенная сдается верховенству человечества. Бердяев продолжает: «Философия, которая силится отрицать исключительное значение человека в мире и отвергнуть человека как исключительный источник познания тайны и смысла мира, страдает внутренним противоречием и истребляющим ее пороком»². К сожалению, Бердяев немедленно отдает привилегию человеческим методам познания. Антроподицея Бердяева сделана недобросовестно, потому что он с самого начала размышлений излагает уже имеющийся ответ: человеческая привилегия онтологически оправдана над другими сущностями. В некотором смысле антроподицею Бердяева, сделанную недобросовестно, можно понять — центральность человека экзистенциально приятна, но подкрепление этого предположения никуда нас не приведет.

Однако нам нужно что-то более авантюрное, рискованное и менее безопасное — антроподицея не может просто заверить способность человека знать тайные знания или онтологическое превосходство, но она должна по крайней мере попытаться предпринять спекулятивный проект мира, в котором люди не находятся в центре. Это попытка спекулятивной антроподицеи. Спекулятивная антроподицея — это негативный проект, который пытается вычестить центральное место человечества. Она начинается с онтологии, которая не предполагает иерархию человечества над природой, но предполагает плоскостность бытия — онтологии, подходящей для анархизма. Другими словами,

² Ibid.

Анархизм вещей

Таким образом, анархизм вещей — это и метафизическое положение, и основа для политического проекта. Наша новая метафизика ведет нас к выходу из нашего псевдомодерна: это не постмодернистский анархизм, а «амодернистский» анархизм. Минимизация человеческого первенства с помощью антроподицеи даёт человеческим акторам возможность более инклюзивно мыслить о нечеловеческих акторах в плане собственности и экологии. Анархизм вещей уже существует, но постоянно превращается в иерархию посредством человеческих акторов. Поэтому анархизм вещей ждет анархизма людей.

Повторяя за Бакуниным, «Кто прав, идеалисты или материалисты?»¹. Материализм — это модернистская идея, и, как говорит Латур, Нового Времени не было. Материализм — это великий жест, с помощью которого Маркс и, в свою очередь, Бакунин собирают теорию человеческой истории и классовой борьбы. Мы, амодерны — те, кто осознали, что Нового Времени никогда на самом деле не было — не можем так легко возвеличить материализм над идеализмом. Перед лицом экологического кризиса сводить все к экономической парадигме и материальным условиям — значит пренебрегать автономной реальностью вещей. Будущее анархизма не в идеализме или материализме, а в реализме.

¹ Mikhail Bakunin. [1871] "God and the State," in God and the State. As Retrieved on April 26th, 2015 from <<http://www.marxists.org/reference/archive/bakunin/works/godstate/>>

реальный объект¹. Другими словами, объекты — это большее, чем их существование для нас, объекты существуют за пределами эмпирической метафизики и за пределами потребительской или меновой стоимости. Очевидно, что такая метафизика делает экономический анализ капитализма или любой политической экономии довольно сложным или странным. Метафизически говоря, человеческое владение невозможно; объекты удаляются от нас и друг от друга, владение может быть лишь для нас и капитализм не может функционировать с такой слабой метафизикой.

Потери и прирост, описанные в отчетах классической экономики, вряд ли имеют смысл, мысля в модусе антроподицеи и «амодернизма» Латура. Децентрация человеческого субъекта демонстрирует иллюзорную природу собственности. Двигаясь вперед, анархизм вещей, а не парламент вещей, является открытием отношений и коммуникации между вещами через усиление посредничества между акторами. Этот вид метафизики требует универсального анархизма, где вещи не могут быть полностью поняты человеческими акторами, или, раз уж на то пошло, любыми акторами. Новое приключение выковано в открытии этого анархизма. Ничто не может быть оставлено в том же состоянии: вся принадлежность и «для нас» вещей должны быть переосмыслены, поддержаны слабо или разъяснены о невозможности доступа к вещи в себе.

¹ Op.Cit., fn. Fn. 7., p. 77.

через плоскую онтологию нет никакой иерархии, которая должна быть поддержана — всё в равной степени объект.

Плоская онтология принимает однозначность бытия или, как говорит Делёз, «один голос создаёт гул бытия»³. Хотя это не следует беспорядочно интерпретировать как оправдание равной реальности вещей — как поясняет Грэм Харман, это равенство объектов⁴. Другими словами, все объекты имеют автономную реальность вне отношений людей и доступа людей. Дело не в том, что и оборотень, и Белый дом одинаково реальны, а в том, что оба они в равной степени являются объектами — оборотень обладает автономной реальностью, как и Белый дом. Оба этих объекта, оборотень и Белый дом, действуют или присутствуют независимо от их существования. В последней книге Хармана о политике Латура он лаконично заявляет, что действительность равенства объектов — вот что важно. Все вещи могут иметь одинаковое присутствие, но важна их эффективность, или сила объекта⁵. Важность этого заявления об объектах будет разъяснена в следующих разделах.

Спекулятивная антроподицея пытается рассматривать вещи в мире в отдалении от человеческого восприятия и доступа. Это философское предположение реализма — представление о том, что вещи существуют не для нас, но имеют автономную от нас реальность. Это резко контрастирует с идеалистической или материалистической метафизикой трансцендентной природы и вторичной культуры. Как мы увидим, идеалистическая и метафизическая [прим. пер.: возможно, имелось в виду «материалистиче-

³ Gilles Deleuze. (1994) *Difference and Repetition*. New York: Columbia University Press.

⁴ Graham Harman. (2011) *The Quadruple Object*. Winchester, UK: Zero Books.

⁵ Graham Harman. (2014) *Bruno Latour: Reassembling the Political*. London: Pluto Press. p. viii.

ская»] метафизики, поддерживающие антропоцентризм, в значительной степени являются продуктом методик модернизма.

Значительная часть современной философии конца двадцатого и всего двадцать первого веков была посвящена анализу идеи модернизма и различных реакций на него. Философы теоретизировали пре-, пост-, пост-пост-, альтер- и мета-модернизмы, но все эти движения и реакции предполагают нечто фундаментальное о модернизме: что он действительно произошёл или продолжает происходить. Например, рассмотрим работу Лиотара «Состояние постмодерна»: «Что же такое постмодерн? [...] Это, несомненно, часть модерна.»⁶ Постмодернизм, по словам Лиотара, является зарождающимся модернизмом. Я бы предположил, что многие постмодернистские соображения и траектории могут многое предложить нам в политическом и эстетическом плане. Мы никоим образом не должны стирать или отбрасывать какие-либо из этих реакций на модернизм, но давайте пока вынесем их за скобки.

В качестве альтернативы Бруно Латур предлагает теоретический каркас, рассматривающий модернизм особенно уникальным и полезным образом. В своей книге «Нового Времени не было» Латур описывает деятельность реально существующего псевдомодерна с точки зрения продуктивных онтологических механизмов и научных аппаратов⁷. Латур говорит о модернизме с двух точек зрения. Во-первых, сказав довольно кратко, модернизм — это дискурсивный режим: «прилагательное «модернистский» обо-

⁶ Jean Lyotard & Geoffrey Bennington (1984) *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Minneapolis: University of Minnesota Press. p. 79.

⁷ Bruno Latour. (1993) *We Have Never Been Modern*. Cambridge, Mass: Harvard University Press.

го капитализма, но право или потенциал владения как человеческой деятельности метафизичен и основан на трансцендентности человеческих акторов.

Владение собственностью при капитализме имеет очень реальные и материальные последствия, но этот статус владения является метафизической категорией в той же степени, что и политической. Владение предполагает, что у человеческого актора есть метафизическое превосходство для господства и управления объектом. Человеческий актор в метафизике капитализма похож на матрёшку, которая может складывать вещи и принимать вещи в себя. Владение землей, другой автономной сущностью, требует техники очистки, потому что только через очистку мы можем узнать, может ли вещь принадлежать или нет. Земля может быть определена как нечеловеческая, и ее можно легко разделить и передать другому актору.

Хотя, думая в модусе плоской онтологии, земля, независимо от обмена документами и капиталом, принадлежит человеку так же, как и небу, слону или потоку, пересекающему землю. Конечно, объекты могут соприкасаться, влиять друг на друга и полностью меняться, но владение одного актора другим актором требует метафизического превосходства одного над другим.

Собственность основывается на метафизических предположениях эмпиризма Юма, который предполагает, что объект — это просто набор качеств, которые доступны нам в реляционном смысле, однако этот реляционизм не воздает должное объектам как метафизическое объяснение: объекты — это больше, чем их отношения с другими объектами. Плоскостность или равенство объектов означает, что для каждого объекта, который мы можем наблюдать эмпирически, существует изъятый и внутренне недоступный

Собственность

Современная техника очистки — это способ, которым мы превращаем объекты в вещи для нас. Мы можем увидеть очистку в действии в любом месте, в продуктовом магазине, в офисе недвижимости, в национальном парке, в сельском хозяйстве и так далее. В экономике мы видим очистку в производстве продукции, а именно, овеществлении товара. Тем не менее, овеществление не отдаёт должное очистке, нам нужно больше, чем теория труда и отчуждения Маркса, хотя мы не должны исключать ее полностью. Очистка — это онтологический ход, который формирует то, как мы думаем о вещах. Подобно нейтрину Стенгер, мы выявляем её в научных и производственных аппаратах, и она играет роль в нашем собственном существовании и творчестве. Очистка, а не овеществление, — это способ утверждения чего-то в отношении к человеческой жизни. Через очистку мы создаем мир для нас, в этой механике мы находим современное стремление к собственности.

Собственность, мысля экономически, является результатом очищения, и именно так мы приходим к владению объектом с автономным существованием. Мы можем владеть нейтрино, звездой или банкой бобов. Приобретая собственность, мы можем наблюдать иерархическую метафизику капитализма, в которой человеческие акторы посредством передачи метафизических свойств могут произвольно владеть вещами. Это не означает, что капитал или труд являются только метафизическими, хотя они более или менее случайны на данном этапе финансово-

значает новый режим, ускорение, разрыв, революцию во времени»⁸. Во-вторых, модернизм — это набор методик, онтологически переводящих или очищающих вещи. Первая, более или менее, — это то, как мы думали о модернизме со времен постмодернистской реакции, и я думаю, что она в целом приемлема. Впрочем, последняя гораздо интереснее.

Латур предполагает, что «[...] слово «модернистский» обозначает два набора совершенно разных практик, которые должны остаться разными, если они хотят оставаться эффективными, но в последнее время их начали путать»⁹. Эти практики — перевод, который «[...] создает смеси между совершенно новым типом существ» и очистка, которая укрепляет онтологические оболочки природы и культуры¹⁰.

Перевод — это мероприятие, связывающее вещи. Это перевод одной вещи в другую. Например, в переводе мы находим оригинальные и новые существования вещей, являющихся и природой, и культурой. Генетически модифицированные соевые бобы Монсанто представляют собой гибрид природы и культуры. Соевые бобы, которые обычно помещают в природную категорию, и акт генетической модификации, человеческой науки, объединяются в одно: появляется гибридный объект, или «актор». Кроме того, благодаря переводческой работе мы можем установить связь между парниковыми газами, выбросами углерода и капитализмом. Гибридизация — это техника, с помощью которой мы отменяем раздвоение природы и культуры.

Однако гибриды плохо укладываются в модернистскую схему. Очистка — это техника, которая отменяет гибрид-

⁸ Ibid. 10.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

ность или перевод в модерне. Очистка — это стандартное метафизическое предположение, которое онтологически сортирует человеческое и нечеловеческое. Механизм очистки — это архетипическая машина, которая функционирует, закрепляя вещи в надлежащей онтологической оболочке. Очистка — это средство, с помощью которого поддерживается раздвоение природы и культуры, и в этом шаге содержится латентная идеалистическая метафизика.

Пока перевод и очистка происходят отдельно и дискретно, Новое Время существует. Однако эти два процесса не так аккуратны: они происходят одновременно, они сбивы с толку, происходят сбои в процессе сортировки, гордиев узел снова запутался. Когда мы думаем об этом так называемом модерне в ретроспективном свете этих современных процессов, мы реализуем многие сбивы с толку гибридные процессы, присутствующие в современных технологиях и науке. Эти вещи, которые мы разграничиваем как человеческие или нечеловеческие, имеют автономную реальность помимо наших сортировочных машин и являются социальными конструкциями. Это сразу звучит немного антинаучно или, в худшем случае, как спуск в релятивистское мышление, хотя это не так.

Изабель Стенгерс демонстрирует одну такую путаницу в истории и социологии науки. Стенгерс отмечает, что открытие, из-за отсутствия лучшего слова, нейтринно является одним из этих осложнений современности.

Короче говоря, нейтринно существует одновременно и неразрывно «само по себе» и «для нас», становясь еще более «само по себе», участником бесчисленных событий, в которых мы

вещей как метафизически, так и, как мы увидим, политически:

Вот почему всегда так трудно быть настоящим материалистом: материя, ошибочно принятая за транспортировку неоспоримых потребностей через цепочки причин и следствий, не является очевидным, данным фоном мира, а, напротив, высоко проработанным, исторически датированным и антропологически расположенным гибридом, объединяющим цепочки ссылок, необходимые для доступа к далекому, и удивительные изобретения, через которые сущностям необходимо проходить ради выживания.²

Материализм путает доступ человека к объектам с вещью в себе или, грубо говоря, реальностью. Проблема в том, что научное открытие является антропологическим событием. Вместо материализма, как я уже отмечал, это тесно связано со спекулятивным реализмом и работой Грэма Хармана.

Следуя этой траектории, мы можем избавиться от природы как от неясной идеи критического и спекулятивного реализма объектов. Природа как просто красивый фон человеческих акторов больше не поддерживается в условиях спекулятивного реализма. Когда мы перестаем думать о природе просто как о том, что не является человеком, мы можем начать созерцать другие плато политического и экологического устройства, которые рассматривают нечеловеческих акторов в свете экологической катастрофы.

² Ibid., 467.

Капитализм — это экономический ассамбляж, который зависит от роста, осуществляемого сетями акторов. При капитализме вещи сортируются онтологически, очищаются и овеществляются как товары, которые строго «для нас». Весь этот набор операций невероятно обременителен для сети человеческих и нечеловеческих акторов. Рабочие, конечно, эксплуатируются, но также и все виды объектов, которые попадают в капиталистическую сеть. Например, мы могли бы сослаться на популяции животных, перемещенных в процессе сбора ресурсов. Или верхняя атмосфера, которая постоянно находится в осаде от антропогенного CO₂. Ни леса, ни их обитатели не принимаются в счёт. Также имеет место то, что наш уменьшающийся озоновый слой недостаточно представлен в политических начинаниях.

Природа, вспоминая моё краткое изложение Латура выше, является стандартной онтологической категорией, выработанной в модернизме. По словам Латура, другой способ, которым мы можем говорить о природе, заключается в том, что материальный мир или материя-природа — это совокупность всех материальных вещей¹. Это может быстро перерасти в материализм, но, как указывает Латур, материализм трудно поддерживать в условиях автономных и реальных объектов. Мы не можем просто приравнивать то, что наблюдаемо и познаваемо человеческими акторами, к материализму, потому что это путает доступ человека с реальностью.

Здесь я процитирую Латура подробно, потому что важность этого представления крайне важна для анархизма

¹ Bruno Latour. (2009) "Will Non-humans Be Saved? Argument in Ecotheology," *Journal of the Royal Anthropological Institute* (N.S.). Vol. 15., No. 3. p. 466. As Retrieved on January 5th, 2014 from <[http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/\(ISSN\)1467-9655](http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/(ISSN)1467-9655)>

ищем принципы материи, как она возникает «для нас»¹¹.

Нейтрино существует автономно от людей-акторов, независимо от заявлений об открытии или научном значении. Ученый захватывает, очищает и переводит нейтрино через механизмы модерна. Мы привносим нейтрино в наше восприятие, и нейтрино «воплощает нас в действие»¹². Нейтрино набирает силу как актор для нас, но оно всегда существовало само по себе.

Модерн — это производство мира для нас как человеческих акторов. Человеческие акторы — это лишь малая часть вещей в мире, но мы предполагаем обратное, мы предполагаем господство, центральность и так далее в ущерб себе и другим акторам. Нового Времени никогда по-настоящему не было, вещи никогда не были так просто разделены на человеческие или нечеловеческие, ничто не может быть действительно очищено или распутано. Поскольку Нового Времени не было, нам нужно устранить экзистенциальное и философское стремление очистить мир вокруг нас.

В работе Латура путь вперед заключается в том, что он называет «парламентом вещей», здесь, мне кажется, Латур нашёл что-то, представляющее политический интерес для анархистов, однако я предлагаю важную поправку, не парламент вещей, а анархию вещей. Это не просто умный речевой оборот, но стремление к эгалитаризму, экологии и демократии, которое исключает понятие исключительности человека и включает прямую демократию нечеловеческих объектов. В анархизме вещей есть коллективы, конфедерации, коммуны и индивидуальные акторы. Только в

¹¹ Isabelle Stengers. (2010) *Cosmopolitics I*. Minneapolis, Minn: University of Minnesota Press. p. 22.

¹² Ibid.

анархии вещей есть место для разнообразных способов, которыми объекты соединяются и разделяются.

Эта более радикальная тенденция может привести к разногласиям с самим Латуром. Непонятно, как именно выглядит латурианская политическая философия на практике, но кажется, что она должна включать в себя нечто более радикальное, чем просто представительная демократия или парламент. Пересадка нечеловеческих акторов требует усиления посредничества, как Харман заявляет в своей работе о политике Латура: «[...] необходимо установить более сильные и лучшие связи между акторами»¹³. Чтобы установить эти более прочные связи, как заявляет Латур, нам нужна более радикальная политика, сопровождающая эту метафизику.

¹³ Op.Cit., fn. 8., p. 31.

Экология и политика

Энвайронментализм в настоящее время менее озабочен окружающей средой, которая представляет собой широкую и богатую экологию нечеловеческих акторов, в разгаре которой мы находимся, и более озабочен обеспечением будущего антропоцена. Неуместное внимание уделяется только окружающей среде в её связи с человеческими субъектами, и даже более либеральная экологическая политика предлагает решения, которые находятся на величине ниже надвигающейся катастрофы. Либеральные экологи предполагают, что использование других лампочек, вождение Prius, употребление в пищу лишь говядины, выращенной в естественных условиях, и другая незначительная политика образа жизни — ответ на тяжелое экологическое бремя человеческих акторов. Экологический кризис больше нельзя сдерживать, и мы должны начать думать об апокалиптических планах для всех акторов, а не только для людей.

Даже увеличение масштаба этой политики образа жизни не принесет нам большой пользы, аскетизм для масс невозможен в нашей политической экономике позднего капитализма, человеческое желание движется капитализмом и просто слишком много потребляет. Сама структура капитализма процветает на процессах модернизации, а также на производстве и потреблении, происходящих впоследствии. Избавление от капитализма — это первый шаг, предпринимаемый на том же уровне, что и экологический кризис, а второй — это избавление от природы.